

ИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР ЩЕЛКАЧЕВ

ОЦЕНКИ ЗНАЧЕНИЯ ПОМЕСТНОГО
СОБОРА 1917–1918 ГОДОВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
И В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ¹

УДК 281.93

Аннотация

В статье изучается влияние деяний Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. на церковную жизнь. Значение важных исторических событий понимается лучше по мере удаления от них во времени — эта закономерность справедлива и в отношении деяний Собора. Автор публикации оценивает важнейшие решения Собора с учетом воспоминаний его участников. В научный оборот вводятся записи из дневников митрополита Арсения (Стадницкого), товарища председателя Собора и одного из трех кандидатов в патриархи. Также осуществляется сравнение Поместного Собора 1917–1918 гг. со Вторым Ватиканским Собором Римско-католической церкви.

Ключевые слова: Поместный Собор Православной Российской Церкви, восстановление патриаршества, патриарх Тихон, митр. Арсений (Стадницкий), Второй Ватиканский Собор Римско-католической церкви.

Для глубокого понимания значения Собора важно не только тщательное изучение его деяний, воспоминаний о нем и научных исследований, написанных на основании этих материалов. Важно изучить, как соборные решения влияли на церковную жизнь, на порядок проведения соборов

¹ Статья является расширенным вариантом доклада, прочитанного на Покровской конференции в МДА 18 октября 2017 г. на секции: «Поместный собор 1917 г. и новомученики Церкви Русской».

в различных юрисдикциях русской эмиграции, на поместные соборы других Автокефальных Православных Церквей в XX веке. Большой интерес представляет сравнение Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. и Второго Ватиканского Собора Римско-католической церкви. Судьбы участников Собора, в особенности принявших мученическую кончину или подвиг исповедничества, также должны стать предметом особого исследования.

Надо не упускать из виду, что различные группы церковного общества апеллируют к решениям Собора и его практике вплоть до наших дней. В особенности ярко это проявляется в переломные моменты крушения государственных режимов, контролировавших церковную жизнь, когда часть верующих начинает испытывать сомнения в полномочиях церковной иерархии, образовавшейся под влиянием этих переворотов.

Таким образом, возникает впечатление, что жизнь Собора в своеобразной форме продолжается до наших дней.

Сегодня быстро растет количество исследований, посвященных Поместному Собору Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Новые возможности открывает, в частности, многотомное издание трудов Собора, включающее материалы работы его Отделов, а также протоколы пленарных заседаний, впервые опубликованные в 1918 г. В настоящее время их публикация (с комментариями) близка к завершению.

По-новому позволяют увидеть многие особенности соборных заседаний и решений, уточнить характеристики его деятелей сведения, содержащиеся в дневниках митрополита Арсения Стадницкого (автор статьи имел возможность ознакомиться с еще неопубликованными материалами дневников²). Напомню, что митрополит Арсений был одним из трех кандидатов в патриархи, намеченных Собором, а также товарищем председателя Собора и возглавлял большинство пленарных заседаний.

² Дневниковые записи этого иерарха, бывшего одним из трех избранных на Соборе кандидатов на Патриаршество, готовятся к печати в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете.

Для понимания деятельности Собора и его решений важна характеристика основных церковных течений в период его подготовки, изменений в их влиянии и идеологии во время Собора и после него. Такая характеристика заметно зависит от церковной позиции исследователя. Именно поэтому каждый автор должен дать свою интерпретацию этой стороны церковной жизни для лучшего понимания его изложения.

Говоря о различии в целях и ожиданиях от работы Собора, можно выделить две группы.

Одну из них можно назвать традиционалистской. К ней относятся полагавшие, что Собор должен устранить отклонения от канонических норм, которые проникли в церковную жизнь вместе с синодальной реформой Петра I. На первом месте они видели восстановление патриаршего управления Церковью и возрождение соборности, которая предполагала регулярное проведение Поместных Соборов (они перестали собираться в Русской Церкви начиная с реформы Петра I).

Противники этой группы выдвигали возражения, состоящие в том, что в Русской Церкви в допетровскую эпоху и в Православной Церкви византийского периода церковные каноны приспособляли нормы церковной жизни к государственным и общественным изменениям. С этой точки зрения восстановление норм, существовавших более двухсот лет назад, хотя бы и нарушенных в результате насилия, как бы игнорирует происшедшие изменения и отвечает букве, но не духу канонов.

Это возражение признавалось существенным значительной частью традиционалистов. Они указывали на необходимость тщательного изучения канонических определений: какие из них могут быть изменены в той или иной степени, а какие являются неизменяемой основой церковной жизни, утвержденной по благодати Святого Духа Вселенскими Соборами. Многие модернисты, как обычно называют представителей другого течения, не отказывались от таких исследований, но уделяли им меньше внимания, так как были убеждены в положительном прогрессивном развитии не только общечеловеческих знаний, но и форм общественной жизни, к которым Церковь должна приспособливаться.

На практике очень большую роль играли люди, также из числа модернистов, для которых все церковные догматические и канонические решения представлялись устаревшими. Подлинная христианская вера у них вообще отсутствовала. Их мировоззрение полностью определялось политическими и культурными изменениями, возникшими в Европе и получившими широкое распространение. Они считали необходимым приспособить Церковь к этим «прогрессивным» новшествам, рассматривая Ее как человеческую организацию, сохранившую большое влияние. Их аргументы сводились к попыткам убедить отсталую, с их точки зрения, народную массу отказаться от устаревших взглядов. Эта довольно большая группа в своей практической политической и общественной деятельности не избегала прямого сотрудничества с открытыми противниками Церкви, стремившимися не столько к Ее трансформации, сколько к Ее уничтожению.

Согласно общему убеждению традиционалистов (не считая крайних монархистов) и большинства модернистов, Поместный Собор подтвердил верность Церкви каноническому преданию, хотя и допустил некоторые второстепенные отклонения, считавшиеся временными. Таким образом, высказанные в период предреволюционной подготовки к Собору опасения, что созыв Собора в период революционных потрясений может воспрепятствовать принятию решений в подлинно церковном духе, оказались ошибочными. Действительно, никогда революционные волнения не имели такой силы, как после февральского переворота 1917 г. Вдобавок противники восстановления церковных норм согласно Преданию пользовались поддержкой Временного правительства.

Более глубокое рассмотрение позволяет дать этому некоторые объяснения. До 1917 г. не было собраний, на которых политические и экономические пожелания разных частей русского народа могли бы быть выраженными целиком в соответствии с масштабами их влияния в народе, поэтому если допустить свободные пропорциональные выборы на Собор от мирян, эти разногласия могли бы увести Собор в сторону от церковных задач, породить непримиримые противоречия. Неважно, что миряне

имели бы только совещательный голос (как предполагалось изначально). Неважно также, какой была бы их относительная численность.

После февральского переворота возможность для обсуждения политических, экономических и других общественных изменений уже никакими законами не ограничивалась. Предстояли выборы в Учредительное собрание.

Народная масса, в основном крестьянская, ради экономической выгоды в большинстве готова была идти за безбожниками: эсерами или большевиками. Но, сохраняя православную веру, при выборе делегатов на Поместный Собор она же выдвигала людей благочестивых, ревнителей церковного Предания. Именно поэтому не оправдались расчеты либералов, пришедших к власти после Февральской революции и желавших подчинить Церковь своему влиянию. Они распустили Святейший Синод и заменили его новым, более уступчивым. Для подготовки к Собору новым Синодом был создан Предсоборный Совет, в котором господствовали модернисты. Эти последние рассчитывали, что, обеспечив на Соборе большинство делегатов из мирян и утвердив равноправное голосование всех членов Собора, они добьются своей цели. Но — делегаты из мирян не пошли за модернистами.

Не следует забывать, что практическое влияние епископата на решения Соборов зависит не только от числа участвующих в них клириков и мирян, но и от полномочий епископского совещания, предусмотренных Уставом Собора.

Устав Собора был принят Предсоборным Советом, причем даже господствовавшие в нем церковные либералы предоставили епископскому совещанию возможность отклонять решения Собора простым большинством голосов. Очевидно, по желанию Временного правительства перед началом Собора, 10 августа 1917 г., Синод внес поправку, согласно которой епископское совещание могло отклонять решения Собора при условии, что против него выскажутся две трети епископов.

Только после внесения этой поправки, 11 августа 1917 г., Временное правительство издало Постановление о правах Собора: «1) Предоставить <...> Собору Всероссийской Церкви выработать и внести на утвержда-

дение (?) Временного Правительства законопроект о новом порядке свободного (!) самоуправления Русской Церкви. 2) Сохранить впредь до принятия (!) Государственной властью нового устройства высшего церковного управления в ведении <...> Синода и состоящих при нем установлений»³. В заключительной части представления, направленного Святейшим Синодом Поместному Собору, указывалось, что право составления Устава Собора принадлежит самому Собору. Устав Собора так и не был утвержден на пленарном заседании, хотя некоторые изменения процедурного характера обсуждались и были в него внесены. Безусловно, наиболее влиятельные представители традиционалистского большинства Собора не были довольны многими разделами Устава, но понимали, что при некоторых обстоятельствах Временное правительство или подобный ему орган государственной власти может заявить, что внесенные в Устав изменения не отвечают его представлениям о свободном церковном самоуправлении и не утвердить соборных решений. Поскольку выяснилось, что и при существующем Уставе большинство стоит за сохранение церковных традиций, постольку можно было не спешить с изменениями Устава до реального признания церковной независимости государством при движении к православной вере большинства народа. Тот или иной подход должен был быть утвержден на пленарном заседании, которое так и не состоялось.

Значительные результаты, достигнутые Поместным Собором, объясняются не только наличием консервативного большинства, желавшего сохранить церковное предание, но и, выражаясь современным языком, наличием харизматического лидера, указывавшего путь, который открывал возможность благодатному действию Святого Духа.

По воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова), бывшего в то время архимандритом, в первые недели работы Собора было явно видно, как он из некоего подобия церковного парламента или Учредительного собрания превращается в подлинно Церковный Собор⁴.

³ Деяния Собора 1917–1918 гг. 1995. С. 53.

⁴ Вениамин (Федченков), митр. 1994. С. 284–285.

Начиная с открытия все большее число участников Собора ощущали благодатное действие Божие⁵. Священномученик Иларион (Троицкий) вспоминает свой умиленный плач во время молебна при открытии Собора, хотя программа решений, подготовленная Предсоборным Советом, совсем не соответствовала его чаяниям. Он глубоко верил, что открывшийся после двухсотлетнего перерыва Поместный Собор Русской Церкви направит Ее по богоугодному пути⁶.

Это не единичное свидетельство, но передать в научном исследовании причины такой уверенности сложно, если вообще возможно.

Следует отметить важнейшее процедурное решение, принятое по предложению церковных лидеров Собора, которое было важным этапом на пути прекращения борьбы по парламентским традициям и укрепления духа церковного единства.

Уже в самом начале работы было решено отказаться от выборов участников различных Отделов, поскольку такие выборы могли вызвать политический торг (например, противники восстановления патриаршества могли бы предложить сторонникам сближения со старообрядцами: «поддержите наших кандидатов в Отдел о высшем церковном управлении, а мы будем содействовать избранию ваших кандидатов в Отдел о единоверии»). По предложению архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова) было решено, что каждый делегат Собора может работать в любых отделах (но не более, чем в пяти), а число участников каждого Отдела не ограничивается⁷.

Важное значение имело сделанное на одном из пленарных заседаний указание председателя, владыки Арсения (Стадницкого), о том, что для Православной Церкви важно не большинство (которое в тот момент было достигнуто по одному из вопросов), а единство, поэтому следует продолжить поиск решения, удовлетворяющего по возможности всех или наибольшее число участников.

⁵ Евлогий (Георгиевский), митр. 1994. С. 234.

⁶ Дело великого строительства церковного 2009. С. 56.

⁷ Деяния Собора 1917–1918 гг. 1995. Т. 1. С. 107.

Время, когда проходили заседания Собора, было тревожным, и решение о восстановлении патриаршества требовалось принять как можно скорее, но руководители стремились предоставить слово всем участникам, которые полагали, что они могут высказать какие-то новые аргументы. Так, сторонник восстановления патриаршества архиепископ Кирилл (Смирнов) убедил участников Собора отменить решение о прекращении дебатов и предоставить слово противникам восстановления патриаршества, хотя из опыта заседаний Отдела в высшем церковном управлении было очевидно, что ничего нового они не скажут. «Нельзя затыкать людям рот», — сказал тогда владыка Кирилл⁸.

При выборах в органы Высшего Церковного управления, сформированные в конце первой сессии Собора в декабре 1917 г., стремились предоставить место представителям всех течений, а не только традиционного большинства. Так, в Высший Церковный Совет были избраны противники патриаршества протопресвитер Георгий Шавельский от священнослужителей и профессор Илья Громогласов от мирян⁹.

Восстановление патриаршества стало важнейшим результатом работы Собора. Именно по этому вопросу шли наиболее горячие дискуссии в первые два месяца после его открытия. По воспоминаниям модернистов, в частности обновленца Б. В. Титлинова, профессора Петроградской духовной академии, они понимали, что их на Соборе явное меньшинство. Фактически почти все они оказались на Соборе не в результате выборов, сторонниками которых себя провозглашали, а как члены Предсоборного Совета, сформированного под давлением обер-прокурора В. Н. Львова. Характеризуя попытки Львова и других либералов-февралистов навязать Церкви свою программу, профессор С. Н. Булгаков ввел яркий термин — «эсеропапизм».

По свидетельству митрополита Вениамина (Федченкова), наблюдателю за дебатами на Соборе непременно показалось бы, что либералы составляют

⁸ Деяния Собора 1917–1918 гг. 1995. Т. 2. С. 79.

⁹ Илья Громогласов вскоре принял священный сан. В наши дни он был канонизирован как священномученик.

значительное большинство, так как пятьдесят модернистов выступали чаще, чем остальные пятьсот членов Собора. Но при голосовании выявлялось, что громадное большинство Собора — сторонники церковного Предания¹⁰.

Возражений против патриаршества было много, но практически все они сводились к перечислению негативных сторон церковной жизни при том или ином патриархе (например, возникновение раскола при патриархе Никоне). При этом убедительные доводы в пользу того, что такие же печальные события не могли произойти без патриарха, не приводились.

Вместе с тем ярко проступала характерная для многих модернистов тенденция, о которой упоминалось выше, — стремление подчинить решение церковных вопросов потребностям светского нецерковного общества. Говорилось, что в стране принято республиканское устройство (забывали при этом, что Временное правительство не имело права провозглашать республику до Учредительного собрания), а патриаршество — это церковное самодержавие, оно несовместимо с новым гражданским строем. Оно, якобы, несовместимо и с соборностью, которая понималась не как добровольное единство всех верных, просвещенных благодатию Святого Духа, а как церковная демократия, основанная на равном для всех избирательном праве.

Аргументы сторонников патриаршества, которые возобладали на Соборе, самая яркая речь в защиту патриаршества священномученика Илариона (Троицкого) и порядок выборов патриарха из трех кандидатов хорошо известны¹¹, поэтому имеет смысл остановиться на характеристике выдвинутых Собором кандидатов на патриаршество, основываясь на записях митрополита Арсения (Стадницкого).

Очень часто, особенно в изданиях для массового читателя, говорится, что первые два кандидата — архиепископ Антоний (Храповицкий) и архиепископ Арсений (Стадницкий) — были известнейшими пастырями Церкви, а третьего кандидата — владыку Тихона (Белавина) — мало

¹⁰ Вениамин (Федченков), митр. 1994. С. 283.

¹¹ См.: Деяния Собора 1917–1918 гг. 1995. Т. 2. С. 377.

кто знал, и его выдвижение было неожиданным. Этим хотят подчеркнуть волю Божию, проявившуюся в избрании по жребию.

В действительности избрание кандидатами председателя Собора и двух его заместителей не представляется таким уж неожиданным. Скорее, надо объяснить, почему председатель Собора оказался при выборах третьим. Дело в том, что возведенный в сан митрополита за день до открытия Собора владыка Тихон был избран его председателем согласно традиции, по которой на Соборе председательствует архиерей, в епархии которого этот Собор проходит.

Владыки Антоний и Арсений действительно были более известны Церкви, чем святитель Тихон, но между ними существовали разногласия, которые не имели широкой известности среди всех верующих, но не являлись тайной для тех, кто был в курсе синодальных дел. Избрание одного из этих кандидатов было бы негативно воспринято сторонниками другого.

Из дневников владыки Арсения видно, что расхождения по ряду церковных вопросов между ним и владыкой Антонием непрерывно накапливались. Если до 1905–1906 гг. владыка Арсений считал Антония своим единомышленником, то после революционных событий и начала работы Предсоборного Присутствия их разногласия проявлялись постоянно, в том числе, в разном отношении к текущим политическим событиям и к желательности участия в них Церкви, а также к реформе преподавания в семинариях и академиях.

Владыка Антоний позволил себе едкую шутку, назвав Арсения «жидакетом». Арсений, в отличие от многих архиереев, отказался от вступления в Союз Русского Народа и так же, как первоприсутствующий в Синоде митрополит Антоний (Вадковский), скептически относился к его деятельности.

В предвоенные годы владыку Арсения, согласно записям в его дневнике, все больше беспокоило влияние, которое архиепископ Антоний благодаря поддержке обер-прокурора В. К. Саблера и в тесном взаимодействии со своим младшим товарищем архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским) оказывал на ход церковных дел, в особенности

на духовное образование. Эти многие дневниковые заметки близки к примитивно-вульгарному, но образному выражению Сергия Труфанова о том, что Антоний относится ко всем архиереям свысока, пренебрегает их мнением и считается только со своим дружкой — архиепископом Финляндским Сергием, который видит на три аршина вглубь, в то время как сам Антоний только на два¹².

Внимательное изучение результатов голосования при избрании председателя Собора и двух его товарищей и при выдвижении трех кандидатов для определения по жребию будущего патриарха показывает, что, хотя количество безусловных сторонников владыки Антония (Храповицкого) значительно превосходило число делегатов, ставивших на первое место владыку Арсения (Стадницкого) или владыку Тихона (Белавина), у двух последних не было такого большого числа почти непримиримых противников. Когда каждый из более чем трехсот присутствовавших на пленарном заседании должен был назвать одного наиболее предпочтительного для него кандидата, за владыку Антония высказалось более ста делегатов, в то время как за двух других избранных впоследствии кандидатов — менее тридцати голосов за каждого. Преимущество владыки Антония очень существенное, но все же однозначно готовых отдать ему предпочтение оказалось значительно менее половины. Только в первом туре последующего голосования, каждый участник которого называл имена трех кандидатов, владыка Антоний получил более половины голосов. Владыка Арсений был выдвинут во втором туре. Для выдвижения владыки Тихона понадобился третий тур. Преимущество владыки Тихона перед следовавшим за ним в этом туре владыкой Плаконом (Рождественским) было не слишком значительным¹³.

При этом следует принимать во внимание, что, как было уже сказано, для значительного числа участников Собора кандидатура митрополита Антония была неприемлема. Так, при выборах председателя Собора и его

¹² Труфанов 2013.

¹³ Деяния Собора 1917–1918 гг. 1995. Т. 3. С. 53, 55–56.

товарищей за владыку Тихона и владыку Арсения было подано более четырехсот голосов (407 и 404 соответственно), а против — совсем немного, чуть более тридцати (33 и 31). За владыку Антония как товарища председателя проголосовало 285 человек (из списочного состава 560, т. е. едва больше половины), а против его избрания — 150 человек¹⁴.

Очевидно, что избрание его патриархом могло бы привести к разделению в Церкви или к отказу от участия в какой бы то ни было церковной деятельности значительного числа людей.

Владыка Арсений (Стадницкий), судя по результатам голосования, имел несколько большую поддержку, чем митрополит Тихон, причем против них обоих высказывалось почти равное незначительное меньшинство. Архиепископ Арсений имел большой опыт работы в Синоде и Государственном Совете, под его руководством в течение нескольких лет шла подготовка к реформе духовного образования, отложенная, в конечном счете, до созыва Собора. Он считался самым выдающимся администратором среди архиереев Русской Церкви того времени.

Однако, из дневников владыки Арсения и иных материалов видно, что в течение длительного периода существовало явное расхождение между ним и не менее влиятельными владыками Антонием (Храповицким) и Сергием (Страгородским). Последние почти всегда добивались предлагаемых ими решений при поддержке обер-прокурора Святейшего Синода, но единства, столь необходимого для Православной Церкви, на Соборе не было.

При внешне корректном отношении ко всем архиереям, с которыми ему приходилось иметь дело, владыка Арсений в своих дневниках в адрес многих из них высказывается весьма критически с высоты безусловно присущей ему административной мудрости. Так, он делает в дневнике замечание о том, что владыка Антоний недопустимым образом пренебрег достоинством архиерея, ответив шуткой на обвинения в свой адрес, хотя это и было одобрено большинством участников заседания¹⁵.

¹⁴ Деяния Собора 1917–1918 гг. 1995. Т. 1. С. 64, 70.

¹⁵ Арсений (Стадницкий), митр. 2017. С. 143.

На страницах дневника встречаются ироничные замечания в адрес будущего грузинского патриарха-католика Кириона, прославленного ныне священномученика, — при доброжелательном официальном отношении и поддержке владыки Кириона во время инспекции его епархии¹⁶.

Записывая свои впечатления о деятельности председателя Собора владыки Тихона, владыка Арсений высказывается в таком роде, что у митрополита Московского не хватает способностей для надлежащего выполнения выпавшей на его долю трудной задачи.

Знакомство с этими дневниковыми записями наводит на мысль, что в случае избрания патриархом владыка Арсений, проявляя административную мудрость и такт (как при исполнении обязанностей председателя на пленарных заседаниях Собора), фактически руководствовался бы своими взглядами, не считаясь с мнением членов Синода и близких ему архиереев. Впрочем, как записывал сам владыка Арсений уже после выборов, патриарху содействует особая благодать Божия, преобразующая и исцеляющая многие его слабости.

После избрания Патриарха Тихона это впечатление высказывалось не только владыкой Арсением. Но иногда действие благодати стремятся подчеркнуть, умаляя способности и достижения владыки Тихона до его избрания.

Безусловно, он не был таким выдающимся пастырем, как владыка Антоний (Храповицкий), за которым охотно шли многие верующие, ни таким выдающимся администратором, как владыка Арсений, ни выдающимся богословом как будущий патриарх Сергей (Страгородский).

Хотя свт. Тихон не обладал известностью и опытом синодальной работы владык Антония и Арсения, он принадлежал к числу наиболее выдающихся церковных пастырей. Он имел опыт управления различными епархиями, очень сильно отличавшимися по составу паствы, — подобного опыта не было ни у кого из архиереев. Начинал он свое служение в Холмской епархии, отличавшейся очень сильным католическим

¹⁶ Арсений (Стадницкий), митр. б. г.

и униатским влиянием. Здесь он успешно защищал православие, не прибегая к помощи государственных чиновников, как делали многие священнослужители в тех краях.

Затем он попал в Северную Америку, где под его омофором оказались православные, проживавшие на громадной территории Канады и Соединенных Штатов Америки. Естественно, что о государственной поддержке не могло быть и речи. И именно здесь свт. Тихон добился выдающихся успехов, каких не имели русские архиереи ни до, ни после него. При нем практически все униаты, перебравшиеся в Америку из Австро-Венгрии, перешли в православие. Сохраняя налаженную жизнь в приходах на Аляске, откуда началось православие в Америке, он переносит центр своей деятельности в Нью-Йорк и Сан-Франциско, строит новые храмы, объединяет разноплеменную православную массу, прибывшую в Америку из других Поместных Церквей. Фактически он создает в Америке Православную Церковь.

Вернувшись в Россию, он получает в управление Ярославскую епархию, в которой сильны древние великорусские православные традиции. Как и многие архиереи, он становится почетным членом Союза Русского Народа¹⁷.

Следует отметить независимое поведение владыки Тихона по отношению к губернской администрации. Когда после смерти Столыпина от правительства пришли секретные указания о необходимости повлиять на выборы в Думу, владыка Тихон поддерживать их не стал. Безусловно, не без влияния Ярославского губернатора Д. Н. Татищева он впоследствии был переведен в Литву, в город Вильно.

В момент перевода на новую кафедру проявилась любовь к владыке Тихону местной паствы, присвоившей ему звание почетного гражданина

¹⁷ Когда Патриарха Тихона упрекали в этом во время допроса, он с достоинством ответил, что, по его мнению, в России быть русским не предосудительно. При этом никаких обвинений, связанных с оскорбительными действиями в отношении инородцев (как это бывало во время допросов), ему предъявить не могли.

Ярославля. При частых переводах архиереев из одной епархии в другую это случай совершенно исключительный.

Вновь оказавшись в епархии с преобладающим католическим населением, владыка Тихон и здесь быстро завоевал любовь православной паствы, установил мирные отношения с римо-католическим духовенством.

Всемерно стремясь к сотрудничеству с государственной администрацией, стараясь избегать по возможности любых конфликтов, владыка Тихон никогда не приносил в жертву церковную независимость, не поступался достоинством православного архиерея. Показательна его реакция на сообщение в прессе о том, что он награжден орденом. Владыка отметил, что православные архиереи не награждаются орденом, а сопричисляются к нему.

После Февральской революции святитель Тихон не устрасился в одиночку во время пасхальных синодальных каникул оказать противодействие обер-прокурору В. Н. Львову, который стремился передать газету «Церковно-Общественный Вестник» профессору Петроградской духовной академии Б. В. Титлинову, будущему обновленцу, для агитации в пользу либерально-модернистских реформ. В конечном счете, обер-прокурор распустил Синод и удалил из него владыку Тихона вместе с другими своими противниками. В новый состав Синода он пригласил более покладистых архиереев.

О популярности «опального» владыки Тихона свидетельствует избрание его Московским митрополитом и выдвижение в Предсоборный Совет от архиереев.

Когда пишут о настроении кандидатов в патриархи, ожидавших, кому из них выпадет жребий взять на себя ответственность за судьбу Церкви, чаще всего повторяют одну и ту же характеристику (не указывая, откуда она получена¹⁸).

Про владыку Антония (Храповицкого) говорят, что он готов был возглавить управление Русской Церковью и вести ее по пути, желательному для его многочисленных сторонников. Митрополита Арсения

¹⁸ Иногда ссылаются на свидетельство митрополита Евлогия (Георгиевского).

ужасала возможность стать патриархом, и он молил Бога, чтобы чаша сия его миновала¹⁹. О святителе Тихоне свидетельствуют, что он был готов подчиниться воле Божией.

Следует отметить, что такая характеристика владыки Антония скорее всего происходит от его противников, приписывавших ему гордость и самоуверенность. Иногда эти сообщения доходят до такой враждебности, что утрачивают всякое правдоподобие.

Получив известие об избрании святителя Тихона, владыка Антоний по прибытии в храм Христа Спасителя с радостью приветствовал Божию избранника и сказал, что его заветное желание о восстановлении патриаршества в Русской Церкви, для осуществления которого он неустанно работал на протяжении двух десятилетий, наконец воплотилось в жизнь.

В дневниковых записях владыки Арсения есть немало свидетельств того, что он глубоко понимал ответственность и тяжесть патриаршего служения. После избрания святителя Тихона он действительно выражает удовлетворение, что его миновало это бремя.

Из слов святителя Тихона, сказанных им при получении известия о том, что жребий выпал на него, очевидно, что более глубоко осознавать тяжесть патриаршего служения «в настоящую тяжелую годину» вряд ли возможно²⁰.

Подчиниться воле Божией все кандидаты перед избранием обещали в равной степени.

Исключительно интересны воспоминания владыки Арсения (Стадницкого) о его беседе с нареченным патриархом. Вспоминая, как святитель Тихон при встрече напомнил ему свое предсказание о том, что первый патриарх будет совершенно ординарной, ничем не выдающейся личностью, владыка Арсений, скептически относившийся к способностям святителя, выражает надежду, что великое смирение избранного патриарха привлечет к нему особое содействие благодати Божией.

¹⁹ Евлогий (Георгиевский), митр. 1994. С. 277.

²⁰ Деяния Собора 1917–1918 гг. 1995. Т. 3. С. 118.

Это свидетельство владыки Арсения о глубоком смирении нареченного патриарха представляет особый интерес. Многоопытного архиепископа Арсения нельзя было поразить так называемым «смиреннословием», и его свидетельство в дневнике, а не для посторонних, говорит о подлинно глубоком его впечатлении²¹.

Есть и другие свидетельства: для очень многих личность новоизбранного патриарха открылась как бы заново, их привлекали его смирение и любовь. Уверенность, что по явной воле Божией Церковь в тяжелейшее для нее время получила нужного ей вождя, объединяла значительное большинство участников Собора.

Восстановление патриаршества, согласно общему признанию, является самым важным результатом работы Собора. При этом нужно принимать во внимание, что и Синод был сохранен в качестве органа высшего церковного управления вместе с вновь созданным Высшим Церковным Советом. В последующее время Высший Церковный Совет сохранить не удалось, но совместное управление Русской Церковью патриарха и Синода прочно вошло в жизнь. В связи с этим можно вспомнить высказывание свт. митрополита Филарета Московского, считавшего, что упразднение патриаршества Петром I не было полезно для Церкви, но и ликвидация сложившейся системы синодального управления может быть вредной. Предпочтительнее ее трансформация с возможным возглавлением Синода патриархом.

Помимо создания системы высшего церковного управления с патриархом во главе Собор выработал много важных для церковной жизни решений. Прежде всего это Определения о епархиальном управлении и о православном приходе (Приходской устав). Наладить церковную жизнь в соответствии с этими определениями не удалось из-за политики большевиков, направленной на уничтожение Церкви и веры, а также из-за существенных изменений в жизни народа и в системе государственного управления. На их основе, с учетом местных условий, формировались соответствующие

²¹ Арсений (Стадницкий), митр. Б. г.

церковные учреждения в эмиграции и в тех частях Российской империи, которые после революции стали независимыми государствами.

Однако значение соборных решений, равно как и незавершенной работы в Отделах, определяется не только тем, что они впоследствии использовались вне области влияния богоборческой власти. Они также оказали существенное влияние на жизнь Церкви в условиях начавшихся гонений (хотя и не могли исполняться в точности). Произошло это благодаря тому, что сам характер обсуждения вопросов на пленарных заседаниях и в Отделах все больше и больше способствовал укреплению духа любви и согласия среди членов Собора. Как было сказано выше, и участники Собора, и очевидцы ясно чувствовали, начиная с избрания патриарха, действие благодати Божией, позволявшей православным людям побеждать все более усиливавшийся в стране дух злобы и вражды, а добру торжествовать в церковной жизни, несмотря на усиливавшиеся гонения.

Полезно также кратко сравнить результаты Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 гг. и II Ватиканского Собора Римско-католической церкви.

Оба Собора проходили в условиях окончания так называемой «эры Константина». Заканчивалась длительная эпоха, когда в разных странах Европы и Америки христианство пользовалось поддержкой государства и одна из христианских конфессий признавалась государственной религией. В новый период типичным было отделение Церкви от государства, которое чаще всего сопровождалось враждебностью к христианству, иногда переходящей в жестокие гонения, как это было в России, а также в Мексике и Испании в 1930-е годы, в странах Восточной Европы после утверждения там коммунистических режимов.

Сравнивая русский Поместный Собор 1917–1918 гг. и Ватиканский Собор 1960-х гг., часто указывают, что католический Собор полностью осуществил намеченную программу по выработке решений, необходимых для Церкви в новых условиях. Поместный Собор 1917–1918 гг. не смог завершить намеченную программу, даже с учетом того, что высшая церковная власть разрешила архиереям в пределах своих епархий в некоторых

случаях вводить в жизнь решения, предложенные Отделами Собора, но не утвержденные на пленарных заседаниях.

Считать это преимущество Ватиканского Собора можно лишь частично. Быстрые и весьма существенные изменения в церковной жизни привели католиков к необходимости если не отмены некоторых решений Ватиканского Собора, то, по крайней мере, существенной их корректировки, разработки их подходящего истолкования.

Условия существования Русской Церкви после Поместного Собора менялись гораздо быстрее и гораздо более существенно, чем положение Римско-католической церкви после Ватиканского Собора. Для Русской Церкви после Собора главным оказались не буква, но дух его работы и принятых решений. Те, кто придерживались, возможно, различных взглядов, но искренно стремились воплотить в жизнь христианские заповеди, убедились в возможности успешного достижения согласия в духе любви не только в уже принятых определениях, но и во всем, что предстояло сделать.

По Промыслу Божию участие в Соборе мирян с равным голосом и в количестве, превышавшем число клириков, задуманное либералами Временного Правительства с целью подчинить Церковь, получило совершенно иное значение. Народ выбирал делегатами на Собор людей искренне благочестивых, имевших страх Божий, и попытка модернистов с помощью богоборческой власти провести через Собор церковную революцию не удалась. На Соборе укрепилось единство иерархии с благочестивыми мирянами, что помогло Церкви выстоять в период жестоких гонений.

Без дополнительного изучения вопроса было бы неправильно утверждать, что после Ватиканского Собора единство иерархии и мирян укрепилось в меньшей степени, чем на Соборе Русской Церкви (несмотря на то, что во многих католических странах прошло голосование за осуждаемые иерархией разводы, аборт и однополые браки). Но успехи Поместного Собора в этом отношении во всяком случае не уступают успехам Ватиканского Собора.

Подобно тому, как решения II Ватиканского Собора у многих традиционистов вызвали протест, что, в конечном счете, привело к отделению группы левевристов, так и отдельные решения Поместного Собора Русской Церкви вызвали у некоторых делегатов опасения, что они ведут к нарушению церковных канонов. Наиболее критически по этому поводу высказался управляющий Московским Даниловым монастырем епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский). Решения Собора о епархиальном управлении представлялись владыке Феодору нарушением церковных канонов из-за умаления власти епископа в епархии²².

Такие же опасения высказывали и другие участники Собора, но они поверили сделанным разъяснениям о том, что в действительности предлагаемые Определения к нарушению канонов не приведут. Владыка Феодор не подписал соборные акты, но сохранил единство с Церковью.

Оценивая такого рода соборные определения по прошествии значительного времени, можно отметить, что хотя критика этих определений не была беспочвенной, в действительности нарушения канонов не произошло.

Можно рассмотреть с практической точки зрения Определение Собора об избрании епархиального архиерея при освобождении епископской кафедры.

Согласно Определению, архиереи, назначенные к участию в избрании, вместе с клиром и мирянами епархии голосуют по списку кандидатов (как предложенных Синодом, так и указанных епархией). Архиерей, получивший не менее двух третей голосов, считается избранным и представляется на утверждение церковной власти.

В этой формулировке явно отражается стремление представителей духовенства взять под контроль избрание епископов. Это желание возникало по разным причинам. Кто-то надеялся на то, что система выборов помешает выдвижению недостойных кандидатов. Кто-то, напротив, будучи нарушителем нравственных норм, надеялся избежать

²² Владыка Феодор отмечал, что Собор в начале своей работы не присягал быть верным догматам и канонам Церкви, как это делалось ранее на православных Соборах.

вполне законных и каноничных мер со стороны епископа по отношению к недостойным пастырям.

Аргументация сторонников избирательной системы подменяла светской демократией церковную соборность, под которой понимается свободное единение всех чад Церкви при действии благодати Божией. Возглас «аксиос!», содержащийся в чине рукоположения, интерпретировался, например, как свидетельство о существовавшей ранее избирательной практике. В действительности этот возглас в древней Церкви свидетельствовал о том, как важно, чтобы паства выражала согласие с кандидатурой предлагаемого ставленника, но вовсе не предполагал право верующих выдвигать от прихода или от епархии своего кандидата, который затем рукополагался бы епископом.

Для пояснения можно привести в пример чинопоследование Таинства брака. Без согласия обоих вступающих в брак, засвидетельствованного их собственными словами, священник не должен совершать венчание. Но родители или опекуны, согласие которых бывает необходимо, совсем не обязаны соглашаться с желаниями опекаемых и могут отвергнуть неподходящий, с их точки зрения, выбор.

Епископы, как следует, например, из сочинений святого Иоанна Златоуста, могли в некоторых случаях предлагать пасомым выбирать себе пастыря, но если избирался не самый достойный кандидат, они не подчинялись общему желанию, но стремились убедить собравшихся избрать более достойного, по их мнению, кандидата.

Сторонники принятой на Соборе формулировки утверждали, что хотя получивший более двух третей голосов кандидат и считается избранным, но об этом сообщается высшей церковной властью, у которой есть возможность при наличии протеста со стороны епископов убедить паству изменить свое решение.

Выработанная Собором формулировка должна была рассеять опасения, что при избрании пастырей с мнением паствы не будут считаться, как это было до Собора.

Подобно этому, многие иные Определения о высшем церковном управлении и некоторые другие не отражают представления Собора

об идеальном церковном устройстве, а приняты как временно необходимые для укрепления согласия и единства. Предполагалось, что после урочавания накопившихся разделений они будут усовершенствованы.

С полной ясностью это проявляется при рассмотрении Положения о составе Высшего Церковного Совета и епархиальных советов.

В Высший Церковный Совет, помимо председателя-патриарха, входили три епископа, направлявшиеся Синодом, шесть клириков и шесть мирян. Если кто-то из мирян принимал священный сан, то по строгому смыслу соборного Определения он должен был прекратить участие в работе Совета и уступить свое место другому мирянину. Такой подход предполагает, что при рукоположении человек переходит в иную касту и не может более выражать чаяния и взгляды мирян, к которым он принадлежал до рукоположения. Но с церковной точки зрения рукополагаемый получает благодать Святого Духа для служения Церкви, и его способность служить, в частности, пользе мирян увеличивается, а не уменьшается.

При реально существовавшем подобии кастового разделения между духовным сословием и мирянами, при разногласиях и недоверии между черным и белым духовенством Определения, принятые Собором, способствовали предотвращению разногласий и недоверия.

Очевидно, что со временем, когда новые правила избрания епископов позволили бы устранить эти прискорбные недостатки, предполагалось отменить ограничения на возможность для клириков представлять интересы мирян.

В посвященных соборным решениям работах, в особенности обновленческих, часто можно встретить критику соборных Определений, касающихся отношений Церкви и государством. Собор-де желал политически невозможного, вместо того чтобы высказывать пожелания, которые реально могли быть удовлетворены²³.

По этому поводу следует учитывать, что Собор был уполномочен защищать взгляды и интересы подавляющего большинства православного

²³ Дело великого строительства церковного 2009. С. 296.

населения России, в то время как Временное правительство и сменившие его большевики не имели такого рода народной поддержки, следовательно, не имели и права навязывать стране свой голос в религиозной сфере.

Знакомство с рекомендациями по поводу того, что мог просить у власти Собор, приводит на память сатиру Салтыкова-Щедрина. Некий либерал начинает с просьбы удовлетворить некие нужды «по возможности», затем переходит к более скромному «хоть что-нибудь» — и получает в ответ совет действовать «применительно к их подлости». Именно такой совет действовать «применительно к подлости» просматривается в рекомендации Б. В. Титлинова принимать то, что готова была предоставить большевистская власть.

Подводя итоги, хочется еще раз указать на выдающееся значение Поместного Собора 1917—1918 гг., объединившего все здоровые элементы Церкви перед лицом начинавшихся жестоких гонений.

Попытки превратить Собор в Учредительное собрание, решения которого, разрушив каноническое основание Церкви, подчинят ее светским либеральным нормам, явно не удались.

Очевидно, что в последующее время созывать Собор с участием мирян, сохраняя избирательную практику 1917 г., не представлялось возможным. При большевиках на протяжении десятилетий нельзя было и думать о каких-то свободных выборах. Все больше возрастало число мирян, крайне редко приходящих в храм и несведущих в самых основных вопросах церковного учения. Эта ситуация сохраняется и до наших дней, несмотря на все усилия по воцерковлению верующих, относящих себя к православным.

Призывы к проведению Собора по примеру 1917—1918 гг. явно отражают стремление подорвать авторитет архиерейских Соборов, так как невозможность провести выборы среди всех, кто причисляет себя к православным, не может не быть очевидной для авторов такого рода призывов.

Вместе с тем соборные решения, как и результаты обсуждения в Отделах Собора важных церковных вопросов, представляют величайший интерес в наши дни. В качестве примера можно указать на определение

различий между «православным патриархом» и «римским папизмом» в речи священномученика Илариона (Троицкого).

Безусловно, изучение материалов Собора, а также его влияния на церковную жизнь последующего времени, почитание исповедников и мучеников из числа его участников необходимо для укрепления церковной жизни в наше время.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арсений (Стадницкий), митр. 2017 — *Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. Поместный Собор. М., 2017.* [Arsenius (Stadnitsky), metropolitan. Dnevnik. Pomestnyi Sobor (Diary. Local Council). Moscow, 2017.]
- Арсений (Стадницкий), митр. б. г. — *Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. (Рукопись). Б. м., б. г.* [Arsenius (Stadnitsky), metropolitan. Dnevnik. (Rukopis') (Diary. (Manuscript)). No place, no year.]
- Вениамин (Федченков), митр. 1994 — *Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994.* [Benjamin (Fedchenkov), metropolitan. Na rubezhe dvukh epoch (At the turn of two eras). Moscow, 1994.]
- Дело великого строительства церковного 2009 — *Дело великого строительства церковного. Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2009.* [Delo velikogo stroitel'stva tserkovnogo. Vospominaniia chlenov Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 godov (The great construction of the Church. Memoirs of members of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918). Moscow, 2009.]
- Деяния Собора 1917–1918 гг. 1995 — *Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1995. Т. 1–3.* [Deianiia Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi (Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church.). Moscow, 1995. Tom 1–3.]
- Евлогий (Георгиевский), митр. 1994 — *Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994.* [Euglogius (Georgievsky), metropolitan. Put' moei zhizni (My life's path). Moscow, 1994.]
- Труфанов 2013 — *Труфанов С. М. «Святой черт». М., 2013.* [Trufanov S. M. "Sviatoi chert" ("Holy devil"). Moscow, 2013.]

Abstract

Shchelkachev Alexander, priest. An evaluation of the value of the Local Council of 1917–1918 in the historical perspective and in the memories of contemporaries

The article explores the influence of the acts of the Local Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918 on Church life. The significance of important historical events is understood better as they move farther back in time — this pattern is also true for the acts of the Council. The A. of the publication evaluates the most important decisions of the Council, taking into account the memories of its participants. The A. offers to the public and scientific community the diaries of Metropolitan Arsenius (Stadnitsky), a comrade of the chairman of the Council and one of the three candidates for the patriarchal seat. A comparison is also made between the Local Council of 1917–1918 and the Second Vatican Council of the Roman Catholic Church.

Keywords: Local Council of the Orthodox Russian Church, restoration of the patriarchate, Patriarch Tikhon, Metropolitan Arsenius (Stadnitsky), Second Vatican Council of the Roman Catholic Church.